

В.Н. Швед

КТО ВЫ, mr. GORBACHEV?

История ошибок
и предательств

Мифы и правда истории

Владислав Николаевич Швед
Кто вы, mr. Gorbachev? История
ошибок и предательств
Серия «Мифы и правда истории»

Издательский EPUB

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21570949

*Кто вы, mr. Gorbachev? История ошибок и предательств: Вече; М.;
2016*

Аннотация

Феномен Горбачева до сих пор плохо изучен. Остается множество спорных вопросов, касающихся событий нашего близкого прошлого. В этой книге перед читателем открываются малознакомые ранее качества государственных мужей эпохи распада СССР – дилетантизм, самонадеянность и игнорирование мнения профессионалов. И предлагается ответ на вопрос: был ли Горбачев агентом влияния Запада или просто политическим неудачником? Автор книги – Владислав Швед – государственный советник 3-го класса, с начала 1990-х гг. занимавший пост второго секретаря ЦК Компартии Литвы, бывший член ЦК КПСС, а позже депутат Верховного Совета Литвы и руководитель аппарата комитета Госдумы Российской Федерации по труду и социальной политике. Владислав Швед также автор ряда публицистических исследований, в том числе посвященных

расследованию военных преступлений в Катыни и анализу
постсоветских политических процессов в Литве.

Содержание

Предисловие	6
Часть 1. От штурвального до Генсека ЦК КПСС	10
Ставропольский везунчик	10
Становление	26
Комсомольский вожак	29
К партийным высотам	37
Разговорами, услугами и лестью...	46
Карьера по сценариям	51
Добрая фея «Андропов»	57
Удивительное везение Михаила Сергеевича	61
Византийские интриги в Кремле	66
Конец ознакомительного фрагмента.	78

**Владислав
Николаевич Швед
Кто вы, mr. Gorbachev?
История ошибок
и предательств**

© Швед В.Н., 2016

© ООО «Издательство «Вече», 2016

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2016

Предисловие

Взыскательный читатель, вероятно, недовольно поморщится. Опять про Горбачева? К сожалению, приходится возвращаться к этой теме, так как феномен Горбачева до сих пор плохо изучен. Уникально, но Михаилу Сергеевичу в течение шести с половиной лет удалось беспрепятственно вести страну гибельным курсом. Таких прецедентов в мировой истории крайне мало. Но они могут повториться. Не осмыслив этого феномена, Россия снова рискует наступить на горбачевские грабли.

Сегодня многие из бывшего окружения Горбачева дают ему самые уничижительные характеристики и приводят просто ошеломляющие факты предательских и разрушительных деяний бывшего генерального секретаря ЦК КПСС, а впоследствии президента СССР. Возникает вопрос: а какую же позицию они занимали в горбачевские времена? Видимо, от страха потерять удобные кресла они забыли детские стихи Корнея Чуковского о тараканище. Так и не нашлось среди этих «горе-соратников» того, кто сказал бы Горбачеву, что не великан он, а просто таракан.

Удивительно, но во Франции, в которой в которой вряд ли знают Маршака, 12 марта 2009 года в газете **«Le Grand Soir»** появилась статья с названием **«Горбачев – вышедший из анабиоза политический таракан Запада»**. Ви-

димом, «гигант мысли, отец советской демократии и перестройки» многим европейцам тоже представляется тараканом. Только прегрешения этого таракана «тянут» на большие преступления.

Губительную сущность первого и последнего президента СССР ранее всех осознал Ричард Иванович Косолапов, доктор философских наук и один из авторов последней Программы КПСС, принятой XXVII съездом КПСС. В январе 1986 года он, будучи главным редактором журнала **«Коммунист»**, направил Горбачеву письмо, в котором предсказал провал «перестройки». В постсоветские годы Косолапов написал ряд статей, в которых дал бывшему президенту СССР безжалостную, но объективную характеристику, назвав его **«всемирно-историческим или эпохальным ничтожеством»**.

К сожалению, «горбачевщина» в нашей стране оставила крепкие корни. Российские руководители, немало сделавшие для преодоления дикостей смутного ельцинского времени, до сих пор наступают на «горбачевские грабли». Плацдармом для «неогорбачевых» уже ряд лет является Правительство РФ. Так называемые «профессионалы-управленцы» там постоянно изобретают грандиозные планы реформирования России. Результаты реализации этих планов оставляют желать лучшего. Взять, к примеру, хотя бы реформу российской медицины. Негативными отзывами на эту реформу полон Интернет, российское ТВ и пресса. Но...

Провалы не останавливает «неогорбачевых». У них тот же, как и у Михаила Сергеевича, амбициозный, нахрапистый дилетантизм, та же абсолютная уверенность в своей правоте, самонадеянность и игнорирование мнения профессионалов.

Достаточно напомнить, как Россия встретила санкции, объявленные Западом. Ведь после эпохального выступления В. Путина на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности 10 февраля 2007 года стало ясно, что Запад и, прежде всего, США постараются вставить России «палки в колеса». И что? Дождались, когда в 2014 году США и Евросоюз ввели в действие санкции.

Но главное не в том, что Запад ввел санкции. Но почему они застали Россию врасплох? Напомню, что в годы финансового благоденствия многие российские экономисты настаивали на том, чтобы свободные валютные средства вкладывались не в «ценные» западные бумаги, а в развитие производств, обеспечивающих **достаточную степень независимости** развития экономики России. Однако российское правительство с маниакальным упорством отстаивало свой курс, доказывая, что «финансовая подушка» позволит стране пережить любой кризис.

Одним словом, налицо рецидив горбачевской политики – ждать неприятности до последнего. Но не буду сыпать соль на раны. Всем все давно ясно, только соответствующие оргвыводы почему-то не делаются. Прямо как во времена Михаила Сергеевича, которого в России клянут вот уже третий

десяток лет. Надеюсь, что ему в его баварском замке в последнее время сильно икается. Хотя Михаил Сергеевич всегда отличался бесстыдством и несамокритичностью. Критика для него, что с гуся вода.

Ну а россиян сегодня должно беспокоить лишь одно. Не допустить, чтобы на политическом небосводе России появился **новый Горбачев**. В этой связи я в своем исследовании позволю себе проанализировать основные вехи биографии Михаила Сергеевича, чтобы понять, как из простого советского паренька выросло политическое ничтожество, принесшее горе миллионам советских людей.

Также постараюсь ответить на вопрос, мучающий многих россиян: как такое ничтожество пришло к власти и был ли Горбачев агентом влияния Запада или был просто политическим лузером? Рассказ начну с юности нашего «героя», т. к. существует версия, что «некие враждебные силы» чуть ли не с детства «вели» его по жизни к вершинам власти.

Часть 1. От штурвального до Генсека ЦК КПСС

*История ничему не учит, а только наказывает
за незнание уроков.
В.О. Ключевский*

Ставропольский везунчик

Начну рассказ с юности Миши Горбачева. Это важно потому, что даже весьма солидные, остепененные исследователи допускают здесь грубейшие искажения. Например, утверждается, что Михаил плохо учился, а в детстве сотрудничал с нацистами и был незаслуженно награжден орденом Трудового Красного Знамени и т. п. Подобное позволяет Горбачеву заявлять, что большинство негатива о его жизни является выдумкой.

Итак, 2 марта 1931 года в селе Привольное Ставропольского края в семье Сергея Андреевича и Марии Пантелеевны Горбачевых родился мальчик. Родители решили назвать его Виктором. Бывший пресс-секретарь президента СССР Андрей Грачев в книге **«Горбачев. Человек, который хотел, как лучше...»** пишет, что *«дед Андрей Моисеевич Горбачев, крестивший внука в церкви села Летницкого, сме-*

нил имя Виктор, данное мальчику при рождении, на Михаила, неосторожно, может быть, поменяв ему судьбу: лишив шансов стать “Победителем”, обрек его на одинокую гордыню “Подобного Богу”» (М.: Вагриус, 2001).

Кстати, в 2009 году в интервью журналу «Большой город» (№ 1/222) Горбачев сообщил, что дед, изменив при крещении его имя, «не ошибся». По мнению Горбачева, это было правильное решение, так как Виктор – это всего лишь победитель, а Михаил – еврейское имя, что в переводе значит «равный Богу». Вот так!

Дальше – больше. В 2011 году на пресс-конференции в ИТАР-ТАСС по поводу своего 80-летия Михаил Сергеевич «раскрыл тайну» своего появления на свет. Оказывается, он был рожден, как Иисус Христос, на соломе, в хозяйственной пристройке. По мнению Горбачева, это также было знаковым событием, якобы определившим его предназначение в этом мире.

Напомню военный период жизни Михаила. По рассказам матери он пережил нелегкую «военную долю». Во время немецкой оккупации в 1942 году Мише приходилось много и усердно ошипывать гусей для немецких солдат и таскать им воду для бани. Немцы любили русских гусей и работоспособных русских мальчишек.

Можно было бы не придавать значения вышеизложенному эпизоду. Оккупанты без церемоний заставляли прислуживать себе не только мальчишек, но и взрослых. Однако вызы-

вает настороженность то, что Михаил Сергеевич этот эпизод отрицает. В своих воспоминаниях **«Жизнь и реформы»** он утверждает, что при появлении в Привольном немецких мотоциклистов он скомандовал стоящим рядом друзьям: *«Стоять! Мы их не боимся!»* (М.: Новости, 1995).

При этом Горбачев подчеркнул, что старшие пацаны проявили трусость и хотели убежать. Он счел нужным даже назвать фамилию одного из струсивших. Вероятно, для большей «достоверности». Именно эта «достоверность» в изложении Михаила Сергеевича вызывает сомнения.

В этой связи расскажу об одной версии, которую изложил в статье **«Генсек кровавый»** (газета «Завтра». № 9–10. 2001) бывший помощник секретаря ЦК КПСС Егора Кузьмича Лигачева, Валерий Михайлович Легостаев. Он после развала СССР занялся разоблачением прегрешений Горбачева и странным образом погиб в 2004 году в автокатастрофе во время отдыха на Кипре.

Так вот, Легостаев утверждал, что одно время среди немецкой интеллигенции была популярна версия, согласно которой двенадцатилетний Михаил Горбачев в 1943 году дал германским властям письменное обязательство о сотрудничестве. После капитуляции германские военные архивы оказались большей частью в руках западных союзников. Обязательства о согласии советских подростков на сотрудничество, если таковые были, регулярно сверялись с фамилиями подрастающих в Союзе партийных и государственных кад-

ров. Якобы таким образом вышли на Горбачева и в подходящий момент напомнили о данном им в далеком 1943 году обещании. А далее все было для западных спецслужб делом техники.

Отмечу, что среди некоторых бывших сотрудников КГБ популярна версия о том, что немцы после занятия советских населенных пунктов якобы заставляли всех оставшихся жителей и детей старше 10 лет давать подписку о сотрудничестве. Вот под такую массовую подписку якобы и попал будущий генсек ЦК КПСС. Однако факты массового взимания подписок германскими властями на оккупированных территориях не подтверждаются ни архивными документами, ни историками, ни свидетельствами людей, проживавших на оккупированной территории.

Давать оценку данной версии сложно. Она в какой-то мере перекликается с версией, положенной в основу появившегося в 2007 году на российских экранах кинофильма «**Сволочи**» о лагерях НКВД, в которых из русских подростков якобы готовились диверсанты-подростки. Только на деле ситуация была кардинально иной. Такие лагеря-школы для малолетних диверсантов из русских подростков создавали не органы НКВД, а немецкий абвер. Так, может, нацисты и вправду брали обязательства у подростков? Но сведений о том, что Миша Горбачев был в такой школе, отсутствуют.

Помимо этого возникает вопрос. Почему немцы обратили внимание именно на Мишу Горбачева в начале 1943 го-

да, когда они еще были уверены в своей победе? Разве что уже тогда словоохотливый русский паренек мог понадобиться им в качестве будущего информатора на оккупированной территории?!

Эта версия напомнила историю, изложенную мне бывшим сотрудником КГБ, занимавшим в Комитете солидное положение. Якобы в приемной председателя КГБ, во времена, когда М.С. Горбачев был уже секретарем ЦК ЦКПСС, якобы видели его дело с обязательством 1943 года работать на германские власти. Что можно сказать по данному поводу?

Прежде всего, порассуждаем о самом обязательстве. Оно в КГБ не могло попасть от американцев или немцев. Это исключено. Получается, что данное обязательство (гипотетически) могли обнаружить сотрудники районного отделения НКГБ СССР, занимавшиеся после освобождения села Привольного от немецкой оккупации проверкой его населения. Но это в случае, если немцы не успели бы вывезти из села свою документацию. Предположим, так и было.

Тогда данное обязательство, как и другие документы, компрометирующие советских людей, были отправлены на хранение в вышестоящие органы госбезопасности. То есть их должен был видеть определенный круг людей. Затем, в 1948 году, когда Михаила представляли к награждению орденом Трудового Красного Знамени, и было известно, что он находился на оккупированной территории, его неизбежно бы проверяли, в том числе и через органы госбезопасности,

именуемые тогда МГБ СССР.

При наличии такой компрометирующей бумажки, как обязательство работать на немецкие власти, никакого награждения Михаила орденом не состоялось бы. Карьера его ограничилась бы уровнем механизатора в селе Привольное. Знаю об этом не понаслышке. Младшая сестра моего отца тоже находилась на оккупированной территории в Днепропетровской области. Девушка она была инициативная, но выяснилось, что перспектив на Украине у нее не было, так как оккупационное прошлое гирей висело на ней. Поэтому отец взял сестру в 1947 году в Литву, где он тогда служил. И только там ее жизнь наладилась.

Разговоры о том, что обязательство М. Горбачева кто-то видел в приемной председателя КГБ СССР – это просто миф. Достаточно напомнить, что в 1956 году, когда Горбачев шел на первого секретаря Ставропольского горкома комсомола, его биографию должны были «перешерстить» вдоль и поперек. При малейшем компромате Михаилу дали бы «стоп». Я знаю, как меня проверяли в 1969 году, когда брали на второго секретаря Утенского райкома комсомола. Посылали запрос даже в Каунас, где я в 1963–1967 годах учился в политехническом институте.

Но вернусь к Горбачеву. Изложу еще одну версию, представленную в книге известного кремлевского историографа Николая Александровича Зенковича **«Михаил Горбачев. Жизнь до Кремля»**. Он пишет, что в 1994 году в редак-

цию газеты «**Новости разведки и контрразведки**» пришел полковник запаса Службы внешней разведки России и принес большую статью об агентах влияния. Ее опубликовали, но убрали эпизод, который Н. Зенкович, с разрешения автора статьи, разместил в своей книге. Вот этот эпизод.

«В биографии Горбачева, кроме услужливости к немецко-фашистским оккупантам, хозяйничавшим в Ставрополе с 3 марта 1942 года по 21 января 1943 года, есть до конца не выясненное обстоятельство. В апреле 1945 года в Польше наш боец-сибиряк Григорий Рыбаков во время случайного столкновения на лесной дороге с небольшой группой противника пристрелил одного из них.

Просматривая вместе с другим бойцом содержание планшетки убитого, обнаружил в ней документы на русском и немецком языках на имя Горбачева Сергея Пантелеймоновича и три фотографии. На одной – Сергей Горбачев в форме лейтенанта-танкиста у советского танка. На втором фотоснимке он был изображен в форме немецкого офицера-танкиста у немецкого танка. Важно отметить, что предателей-перебежчиков гитлеровцы направляли только в Русскую освободительную армию генерала Власова или в другие нациформирования, и никогда – в немецкую армию.

Не исключено, что выдававший себя за Сергея Горбачева был на самом деле заброшенным ранее на длительное оседание обычным агентом, который, попав на фронт, тут же перешел к своим. На третьем снимке опять он вместе с по-

жилой и молодой женщиной, а рядом с ней мальчик с весьма приметным черным, необычной формы пятном на голове. Документы и фотографии бойцы передали командованию.

В начале 1985 года Рыбаков увидел в газете портрет нового генерального секретаря М.С. Горбачева и обнаружил разительное сходство с мальчиком на фотографии, найденной в планшетке убитого немца. Рыбаков написал об этом в Челябинское управление госбезопасности и “своему” депутату Б.Н. Ельцину. Ответа ниоткуда не получил, но вскоре был грозно предупрежден, чтобы помалкивал. Имеется запись подробного сообщения об этой истории, сделанного Г.С. Рыбаковым в присутствии прокурора города» (Михаил Горбачев. Жизнь до Кремля. М.: Олма-Пресс, 2001).

Да, версия с такими свидетельствами кажется убедительной, но... Прежде всего, вызывает недоумение отчество Горбачева Сергея – Пантелеймонович, документы которые якобы нашли у убитого немца. Известно, что отчество отца Михаила было Андреевич. Ну, ладно, допустим, это неточность.

Предположим, что убитый офицер был сотрудником абвера или Гестапо и занимался подготовкой агентов для внедрения в России, а в 1945 году он бежал из Польши в Германию в связи с наступлением советских войск. Но почему у него оказались только документы внедренного немецкого агента С. Горбачева, а не картотека агентов? Кстати, тракторист С. Горбачев вряд ли представлял серьезный интерес для наци-

стов. Разве что они обладали машиной времени и выяснили, что сын этого тракториста в будущем станет главой СССР? Но это из области фантастики.

Как понимать, что на фото Горбачев был запечатлен в форме немецкого офицера-танкиста? Получается, что бывший немецкий танкист был внедрен в Россию под видом тракториста? Но это легко опровергается тем, что Сергей Андреевич Горбачев всю довоенную жизнь прожил в селе Привольном. Подменять его похожим немцем не было оснований. Да тот бы провалился буквально в первую же неделю. В Привольном все досконально знали друг друга и незамедлительно заметили бы странные изменения в поведении С. Горбачева.

Далее, как известно, отец Горбачева был сапером, а не танкистом. Почему на немецком фото он, если это он, запечатлен в форме лейтенанта-танкиста у советского танка? В войну Сергей Андреевич командовал саперным отделением, был награжден медалью «За отвагу» и двумя орденами Красной Звезды. К танкистам не имел отношения, разве что до войны работал механизатором машинно-тракторной станции (МТС).

Помимо этого возникает вопрос: почему личность убитого немецкого офицера у Григория Рыбакова не вызвала интереса? Получается, что он был не очень высокого звания, не гестаповец и не абверовец. Одним словом, вышеизложенная версия не выдерживает критики. На мой взгляд, выше-

изложенные версия – не более чем домыслы людей, крайне озлобленных на Горбачева. Ну очень хочется им, чтобы он был вражеским агентом, тогда его предательская политика получала бы в их глазах обоснование. Я тоже не против такого, но должен быть предельно объективным.

Продолжу рассказ о Мише Горбачеве, сыне советского фронтовика-орденоносца. Благодаря боевым и трудовым заслугам отца Михаил получил свое трудовое крещение, сыгравшее решающее значение в его жизни. Летом 1948 года он, семнадцатилетний ученик восьмого класса (два года Михаил потерял из-за войны), работавший помощником комбайнера (штурвальным) на уборке урожая, за трудовые успехи был награжден орденом Трудового Красного Знамени. Впоследствии окажется, что это достаточно ординарное событие оказало существенное влияние на историю Советского Союза.

Многие исследователи недоумевают, каким образом сезонно работавший на уборке урожая школьник был награжден не медалью, а второй по значению в стране трудовой наградой. Высказываются самые невероятные версии, одну из которых, наиболее расхожую, я озвучу. Утверждается, что в погоне за скошенными гектарами Михаил, в период, когда отец отдыхал, включал на комбайне 3-ю скорость и, не считаясь с потерями зерна, резко увеличивал количество скошенных гектаров. Якобы таким образом Горбачевы оказались в соревновании за урожай 1948 года первыми, за что им и вру-

чили ордена.

Однако известно, что в 1948 году комбайны не были самоходными, они работали в сцепке с трактором. Скорость уборки урожая определялась скоростью трактора, а не комбайна. Сомнительно, чтобы взрослый тракторист послушал школьника, с какой скоростью убирать хлеба. Тем более, что учитывались не скошенные гектары, а намолоченные центнеры зерна.

Горбачев в мемуарах **«Жизнь и реформы»** описывает уборку урожая в 1948 году так: *«Это был первый настоящий урожай. Собрали на круг по 22 центнера с гектара. В те времена – особенно после неурожайных лет – результат небывалый. А тогда с 1947 года действовал Указ Президиума Верховного Совета СССР: намолотил на комбайне 10 тысяч центнеров зерна – получаешь звание Героя Социалистического Труда, 8 тысяч – орден Ленина. Мы намолотили с отцом 8 тысяч 888 центнеров. Отец получил орден Ленина, я – орден Трудового Красного Знамени. Было мне тогда 17 лет, и это самый дорогой для меня орден. Сообщение о награде пришло осенью».*

Достаточно достоверная информация об этом эпизоде биографии Михаила Горбачева была представлена в телефильме **«Первый президент»** (производство ТПО «Союзтелефильм», 1991). В фильме была продемонстрирована страница из газеты **«Ставропольская правда»** тех лет. Вверху призыв: «За дружную работу, товарищи комбайне-

ры!» Ниже: «С честью выполним социалистические обязательства!»

Под ними заголовок статьи: **«Агрегат Сергея Горбачева готов к работе»**. В статье сказано: *«По инициативе партийной организации Покровской МТС создан первый в районе комсомольский комбайновый агрегат, состоящий из двух комбайнов “Сталинец-6”. Начальником агрегата дирекцией МТС утвержден комбайнер-коммунист Сергей Горбачев. Вместе с ним будет работать опытный комбайнер Яков Яковенко. Штурвальными – их сыновья Михаил Горбачев и Александр Яковенко.*

За комсомольским агрегатом закреплен новый мощный трактор “С-80”, на котором будут работать трактористы Рыжих и Кудрин. Горючее и воду будут подвозить кандидат в члены партии т. Рядко и участник Отечественной войны кавалер ордена Славы Петр Удовиченко».

Все говорит о том, что не только экипаж, но и вся вспомогательная обслуга комсомольского агрегата были не только специально подобраны, **но тщательным образом проверены**, в том числе по линии НКВД, дабы впоследствии не возникли неприятные казусы с темными местами биографии будущих рекорсменов. Их кандидатуры были, несомненно, согласованы не только в райкоме, но и крайкоме партии. Ведь это могли быть будущие орденосцы.

В жатву 1948 года работали сутки напролет. Итог работы был общий. Александр Яковенко, напарник Михаила, в те-

лефильме рассказывал, что экипаж агрегата тогда намолотил 19 тысяч 800 центнеров зерна. Отцы-комбайнеры получили ордена Ленина, сыновья – Трудового Красного Знамени. Но Михаил Сергеевич никогда не упоминал о напарниках. Возможно, потому, что хотел подчеркнуть значимость Горбачевых в совершенном трудовом подвиге.

Дополнительно замечу, что в советские времена «качественный состав» (партийность, социальное положение и происхождение, образование, национальность и т. д.) награждаемых правительственными наградами строго контролировался партийными органами. Несмотря на то, что предпочтение отдавалось коммунистам и комсомольцам, ставилась задача, чтобы среди награждаемых были беспартийные и представители всех слоев советского общества и национальностей и т. д. Награды за подвиги, даже на войне, нередко ранжировались в зависимости от «качественного состава».

Несомненно, в Ставропольской парторганизации были намечены возможные кандидаты на награды по итогам уборки урожая 1948 года. Фавориты в любом деле, как правило, были известны заранее. Об одном из них, Сергее Горбачеве, написали в областной газете. Горбачевы по всем параметрам могли претендовать на награды. Отец – бывший фронтовик, член партии, Михаил – отличник учебы и комсомольский активист. В итоге грудь Михаила в семнадцать лет украсил орден Трудового Красного Знамени.

В этой связи вряд ли следует серьезно воспринимать утверждения о том, что Горбачева с молодости какие-то силы «вели» по служебной лестнице. На первом этапе карьеры **определяющую роль сыграл отец**, взявший Михаила штурвальным на комбайн.

Доверенное лицо Горбачева, его многолетний помощник, впоследствии зав. Общим отделом ЦК КПСС и руководитель аппарата президента СССР Валерий Иванович Болдин считал: *«Горбачев по складу ума, привычкам, по духу провинциал, которому вскружила неокрепшую голову ранняя слава. Если бы не орден за уборку урожая, полученный им в юности, Горбачев стал бы, наверное, неплохим председателем колхоза или даже начальником райсельхозуправления. А благодаря ордену он попал и в МГУ и на аппаратную работу* (интервью Болдина в газете «Коммерсантъ-Власть», 15.05.2001).

Правда, все могло быть по-другому, если бы «строгие дяди» в райкоме партии при утверждении кандидатур на рекорд более внимательно отнеслись к родословной комбайнера Сергея Андреевича Горбачева.

Известно, что дед Михаила по линии отца Андрей Моисеевич Горбачев был убежденным единоличником. Он сопротивлялся коллективизации, за что в 30-е годы был выслан в Сибирь и несколько лет отработал на лесоповале. Проблемы с властью были и у деда по линии матери, председателя колхоза Пантелея Ефимовича Гопкало, который в 1937 году

за невыполнение плана посева зерновых был признан «саботажником», получил срок за «должностное преступление», отсидел 14 месяцев, был оправдан и освобожден.

И хотя особого криминала за предками Горбачевых не было, но в то время вышеперечисленного было бы достаточно, чтобы ордена «пролетели» мимо Сергея Андреевича и Михаила. Кстати, впоследствии, когда Горбачев стал партийным деятелем, люди с малейшими отклонениями в биографии не могли рассчитывать на его снисхождение. Особенно это проявилось в его бытность генеральным секретарем ЦК КПСС.

После награждения орденом Миша Горбачев автоматически попал в категорию особо доверенной советской молодежи. Такие в первую очередь становились комсомольскими вожаками, они были неперенными участниками торжественных мероприятий, их пропагандировали в прессе, для них были открыты все пути в Советской стране. Естественно, что с учетом этого Михаил сделал следующий решающий шаг в жизни. В девятнадцать лет, еще в школе, он вступил кандидатом в члены КПСС.

Следует отметить, что юный Горбачев учился без напряжения, так как отличался прекрасной памятью, схватывал все на лету. Но глубоко и вдумчиво прорабатывать подхваченные новые идеи ему было неинтересно. Он был и остался великолепным компилятором чужих идей. К этому добавлю, что у Михаила были неплохие артистические задатки. В раз-

говоре со старшими по положению он легко перевоплощался и производил впечатление их поклонника и единомышленника.

Становление

Закончив в 1950 году школу с серебряной медалью («четыре» по немецкому), Михаил без экзаменов поступил на престижный юридический факультет Московского государственного университета. На этот факультет поступали не вчерашние десятиклассники, а бывшие фронтовики с наградами и направленные из МВД. Но Горбачев не спавал перед ними. Он неплохо владел словом, был достаточно начитан и самое главное – чрезвычайно активен. Вскоре Михаил был избран комсоргом группы, а потом – секретарем комсомольской организации факультета. После того как в 1952 году он стал членом ВКП(б), его ввели в состав парткома университета.

В университете Горбачев производил впечатление открытого и общительного парня, хотя, когда к нему, как члену парткома, обращались с конкретной просьбой, не отказывал, но и не помогал, ссылаясь на обстоятельства.

Лучшим другом и фактическим наставником в университете Михаила стал чех Зденек Млынарж, с которым он делил комнату в студенческом общежитии. Он был старше Михаила на два года и более зрелым в политическом отношении. Как известно, Млынарж являлся сторонником «социализма с человеческим лицом» и в период Пражской весны 1968 года являлся секретарем ЦК КПЧ. Беседы с ним оказа-

ли огромное влияние на формирование мировоззрения Михаила.

Млынарж, в отличие от Горбачева, до конца остался верен идеям демократического социализма, точнее – социализма с человеческим лицом. После поражения Пражской весны Млынарж эмигрировал в Австрию. В Чехословакию он вернулся после «Бархатной революции» 1989 года, когда компартия была отстранена от власти. Тогда Млынарж стал почетным председателем «Левого блока» – коалиции коммунистов с социалистами. Но захватившие в Чехословакии власть антисоциалистически настроенные правые либералы даже не хотели слышать о демократическом социализме. В итоге Млынарж предпочел вернуться в Австрию. В этой связи утверждать, что он посеял у Горбачева разочарование в социализме, нет оснований.

Помимо Млынаржа в университете у Михаила нашлось немало друзей. В 1950-е годы Московский университет собирал под своей крышей лучшие молодые умы СССР и стран социалистического лагеря. Это был настоящий «вселенский котел» мыслей и мечтаний о новом обществе, о светлом будущем. С Михаила быстро слетел его провинциальный налет. Он стал полноправным членом московского студенчества.

Впоследствии мысли и идеи, услышанные Горбачевым в университете, позволяли ему в разговорах и, прежде всего, с «сильными мира сего», производить впечатление востор-

женно-идеалистического молодого человека, стремящегося развивать социализм, сохраняя все его ценности. Именно в это время Михаил понял силу вовремя сказанной цитаты и силу лести, обращенной к старшим.

В 1953 году будущий юрист Михаил Горбачев и студентка философского факультета МГУ Раиса Титаренко создали семью. Это событие во многом определило жизнь Михаила Горбачева. По твердости характера, организованности, граничившей с педантичностью, Раиса во многом превосходила мужа. Без ее воздействия Горбачев вряд ли достиг политических высот.

Комсомольский вожак

В 1955 году Михаил закончил юридический факультет МГУ. Как пишет он в своих воспоминаниях, за будущее не волновался, так как входил в состав комиссии по распределению и знал, что в числе других 12 выпускников (11 из них были фронтовиками) его направляли в Прокуратуру СССР.

Но «наверху» решили, что молодых юристов, не имеющих жизненного и профессионального опыта, рискованно определять на работу в высший эшелон прокурорского надзора. Горбачеву на выбор были предложены места в прокурорских органах Томска, Благовещенска, в Таджикистане или в подмосковном Ступино. Это была реальная возможность чете Горбачевых «зацепиться» в столице, а Раисе продолжать учебу в аспирантуре.

Однако у Михаила были другие планы. Он понимал, что поиск счастья в чужих краях может закончиться ничем. Горбачевы решили ехать в Ставрополь. Горбачев в воспоминаниях пишет: *«Бесцеремонность, проявленная работниками Прокуратуры СССР, безразличие к моей семейной ситуации и вся история с моим распределением зародили у меня серьезные сомнения относительно работы по специальности. Не развеяла их и стажировка в Ставрополе. И я принял решение порвать с прокуратурой. Вступил в контакт с крайкомом комсомола».*

Вот что рассказал мне в декабре 2008 года бывший первый секретарь Ставропольского крайкома комсомола Виктор Михайлович Мироненко об этом эпизоде жизни Горбачева. По словам Виктора Михайловича, в краевой прокуратуре Михаилу предложили поехать в заштатный район. Это означало конец мечтам о карьере.

Горбачев решил действовать через земляков и прорваться в обком комсомола. К В. Мироненко его привел член бюро крайкома комсомола, редактор газеты **«Молодой ленинец»** Ларионов (он и Горбачев были родом из Привольного). В 1955 году сотрудников, имевших высшее образование, в аппарате Ставропольского крайкома комсомола насчитывалось всего шесть человек.

В то время в крайкоме вакантной была должность заместителя заведующего отделом пропаганды и агитации. Молодой юрист с высшим столичным образованием, член партии, награжденный орденом, имеющий опыт комсомольской работы, как нельзя лучше соответствовал этой должности. Горбачев успешно прошел собеседование в отделе партийных органов крайкома партии и начал новый этап своей комсомольской карьеры.

Однако не так прост был Михаил Сергеевич в молодости. Все, что касалось карьеры, он делал с двойной страховкой, тем более что «руководящей и направляющей силой» в этих вопросах для него являлась жена Раиса. Утверждают, что Горбачев как-то проговорился: *«Раиса Максимовна все вре-*

меня подталкивала меня к тому, чтобы я последовательно занимал все более и более высокое положение в стране».

Как пишет бывший секретарь Ставропольского крайкома КПСС и спичрайтер Горбачева Анатолий Андреевич Коробейников в книге **«Горбачев: другое лицо»** перед походом к В. Мироненко Михаил все же подстраховался. Он заручился поддержкой партийных органов: *«По свидетельству земляков, он буквально унижался в Ставропольском крайкоме партии, чтобы получить хоть какую-либо комсомольскую должность. Люди, которые рассказывали мне об этом, еще живы и не скрывают своих имен»* (М.: Республика, 1996).

Работая в крайкоме ВЛКСМ, Горбачев много ездил по краю. О его выступлениях в молодежных коллективах приходили положительные отзывы. Говорун он был отменный. Но при этом не забывал, как отмечал друг детства Горбачева и бывший второй секретарь Ставропольского крайкома КПСС Виктор Алексеевич Казначеев, с которым мне довелось контактировать, регулярно наносить визиты ответственным работникам крайкома партии, поражая их заранее подготовленным цитатничеством. Уже через год Горбачев был избран первым секретарем Ставропольского горкома комсомола.

Первым секретарем Ставропольской краевой партийной организации в это время был Лебедев Иван Кононович, которому по душе пришлись инициативность и напористость Горбачева и подчеркнуто уважительное отношение к стар-

шим товарищам. Через два года, в апреле 1958 года, Горбачев был избран вторым секретарем крайкома ВЛКСМ. К этому времени ранее упомянутый В. Мироненко уже «раскусил» Горбачева и высказался против этого назначения, но в крайкоме партии решили по-другому.

В 1960 году в крае сменилось партийное руководство, первым секретарем крайкома стал 42-летний Федор Давыдович Кулаков, высланный Хрущевым из Москвы. Он обратил внимание на инициативного второго секретаря крайкома ВЛКСМ и в том же году выдвинул Горбачева на должность первого секретаря крайкома ВЛКСМ. С этого момента в течение 18 лет Кулаков является «доброй феей» Михаила Горбачева.

В ноябре 1961 года Горбачев по должности был избран делегатом XXII съезда КПСС. На съезде он, как и все делегаты, вместе с проектами партийных документов получил только что отпечатанный номер «Нового мира» с повестью А.И. Солженицына **«Один день Ивана Денисовича»**. На этом съезде Никита Сергеевич Хрущев впервые публично (на XX съезде КПСС в 1956 г. Хрущев озвучил доклад **«О культе личности и его последствиях»** после закрытия съезда на закрытом заседании) еще раз обрушился на Сталина и его окружение. К этому Горбачев был психологически готов.

Об этом свидетельствует эпизод биографии Горбачева, который поведал бывший советский журналист, а в настоя-

щее время корреспондент американского (Бостон) журнала на русском языке «**Чайка**» Валерий Лебедев. Он сослался на бывшего сокурсника Горбачева по МГУ, упомянутого нами Зденека Млынаржа, с которым беседовал в 1985 году после прихода Горбачева к власти.

В изложении Млынаржа эпизод отрицания Горбачевым сталинизма выглядел так: *«Зимой 1956 года молодой 25-летний Михаил Горбачев приехал с молодежной делегацией в Москву. Там он услышал закрытое письмо Хрущева, разоблачающее “культ личности Сталина” на XX съезде. Письмо его потрясло. Ошеломленный Михаил Горбачев вышел на Ленинские (Воробьевы) горы и примерно на том же месте, что когда-то Герцен с Огаревым, дал клятву посвятить всю жизнь борьбе со сталинизмом. То есть, фактически, с системой».* Вполне возможно, что так оно и было, хотя даты событий не совпадают.

Можно утверждать, что Никита Сергеевич Хрущев оказал решающее влияние на формирование молодого Горбачева. Бывший министр иностранных дел Польши профессор Адам Ротфельд заявил, что во второй половине 90-х годов он был приглашен в Москву на международную научную конференцию, посвященную 100-летию со дня рождения Н. Хрущева. Конференцию организовал «Горбачев-фонд». Во время перерыва Горбачев пригласил Ротфельда на кофе. В ходе беседы Ротфельд спросил, чем было обусловлено проведение конференции. На это Михаил Сергеевич ответил: «Без Хру-

щева не было бы Горбачева».

Необходимо подчеркнуть, что Горбачев, став генеральным секретарем ЦК КПСС, более всего **боялся повторить судьбу Никиты Сергеевича, но в худшем варианте**. Это опасение многократно возросло после кровавой расправы в 1989 году над главой Компартии Румынии Николае Чаушеску, осуществленной при косвенном согласии Горбачева. Особенно Горбачева поразило, что с Чаушеску расправились его бывшие соратники. Это во многом стало определять поступки Михаила Сергеевича, как главы Советского государства в последние годы перестройки.

Но вернусь в комсомольский период Горбачева. Тогда его способность **имитировать** бурную деятельность была просто поразительной. Добавьте к этому отличную память Михаила и его умение выступать на актуальные темы, подкрепляя это цитатами из трудов классиков. Это обеспечило ему фантастически быстрый карьерный рост.

Особо следует поговорить о методах работы Горбачева в этот период. Карьерный рост Михаила пришелся на время, когда погоня за количественными показателями в ВЛКСМ стала довлеющей. Важнейшим показателем здесь стал рост рядов. Ставропольский край попал по этому показателю в отстающие. Горбачев быстро нашел выход. В комсомол стали принимать без всякой подготовки классами, бригадами. Последствия этой порочной практики, получившей широкое распространение в масштабах всей страны, сказались значи-

тельно позже. А тогда Ставропольский край вышел в передовики по росту рядов комсомольской организации.

Практика принимать в комсомол скопом, всех подряд, приняла при Хрущеве массовый характер. В итоге Ленинский союз молодежи превратился в рыхлую, идеологически неоднородную массу. Известно, что процесс отказа от социализма в 1990-х годах возглавил именно союзный комсомол.

В хрущевский период также изменилась практика отбора в партию. Главным для приема в КПСС стали не идейная убежденность и качества политического бойца, а безупречная анкета. Не случайно из 19 миллионов коммунистов, числившихся в КПСС в 1986 году, накануне XXVII съезда партии, в 1991 году большинство попряталось по «щелям».

В 1959–1960 годах Ставропольский крайком ВЛКСМ с «легкой руки» Горбачева призвал комсомольцев и молодежь края выполнить семилетний план по производству мяса, молока и яиц за пять лет. Было принято постановление крайкома комсомола «О шефстве над “королевой” полей (кукурузой). – *Примеч. В.Ш.*) и ускоренном разведении уток», выполнение которого через пару лет с треском провалилось. Но Горбачева заметили. Во времена Хрущева, когда внешней стороне дела уделялась неоправданно большое внимание, он пришелся «ко двору». И не он один, такие «говоруны» в комсомоле делали быструю карьеру.

Выдвижению Горбачева во многом способствовали его компилятивные способности. Ранее упомянутый В. Болдин

писал: *«Умение присваивать чужие идеи развито у Горбачева до вершин совершенства»*. (Болдин В.И. Крушение пьедестала... М.: Республика, 1995). Михаил Сергеевич уже тогда «за версту» чувствовал новое, востребованное, умело использовал чужие почины и инициативы для саморекламы, которая с этого момента стала для Горбачева своеобразным образом действия и жизни.

В общении Горбачев создавал впечатление покладистого, доброго и отзывчивого человека. Со старшими по возрасту и положению вел себя как почтительный сын. На секретарей Ставропольского крайкома партии, а впоследствии на престарелых членов Политбюро это действовало безотказно.

Стремительный рост по карьерной лестнице обеспечивал Горбачеву получение положительных характеристик. На занимаемых должностях он, как правило, снимал «сливки». Когда же приходило время оценивать результаты, Горбачев уже был на новой должности, и «шишки» за допущенные провалы доставались преемникам. Этот метод «делания» карьеры всегда безотказно срабатывал.

К партийным высотам

Однако у Горбачева случались и досадные проколы. В январе 1962 года на краевой отчетно-выборной комсомольской конференции его за формализм в работе резко критиковал первый секретарь крайкома партии Федор Давыдович Кулаков. Обычно это означало закат карьеры. Но не таков был ставропольский комсомольский вожак. Он сумел найти «ключик» к сердцу «первого». Но об этом секрете Горбачев предпочитает умалчивать.

Буквально через два месяца, в марте 1962 года, Кулаков дал шанс Горбачеву продолжить путь к партийному олимпу. В КПСС подобное отношение к кадрам, попавшим под огонь партийной критики, было чрезвычайно редким. Как правило, так относились или к родственникам влиятельных людей, или к «нужным» людям. Остается только гадать, по какой причине такой властный и крутой руководитель, каким был Кулаков, поддерживал Горбачева, несмотря на его недоработки.

Возможно, решил, что инициативного комсомольского вожака следует перевести на работу под особый партийный надзор и, если он справится, то можно думать о его перспективах. Горбачева назначили парторгом крайкома по Ставропольскому управлению, объединившему три пригородных сельских района: Шпаковский, Труновский и Кочубеевский.

Однако и здесь возникли проблемы. Летом 1962 года бюро крайкома партии обратило внимание парторга Горбачева на проявленную безответственность в работе с Обращением ЦК КПСС и Совета Министров СССР к труженикам сельского хозяйства. Горбачев возразил против такой оценки, и тогда была создана комиссия для проверки его работы. Факты подтвердились, и, как пишет известный исследователь кремлевских тайн Николай Зенкович, в августе 1962 года на собрании краевого партийного актива Кулаков «выдал» Горбачеву сполна (*Зенькович Н.А. Самые закрытые люди. М.: Олма-пресс; Звездный мир, 2002*).

Казалось бы, партийная карьера закончена. Двух срывов обычно не прощали. Но Горбачев каким-то образом сумел убедить Ф. Кулакова вновь дать ему шанс. Все бывшие коллеги Михаила Сергеевича, с которыми мне довелось общаться, были убеждены, что ситуацию спасла Раиса. Она обладала редким умением убеждать собеседника. Якобы она пошла к Кулакову и доказала, что муж не потерян для партийной работы.

Кстати, в мемуарах «Михаил Горбачев. Наедине с собой» (М.: Грин Стрит, 2012) Горбачев сообщил, что Кулаков, однажды, воспользовавшись его отъездом в служебную командировку, якобы пытался затащить Раису Максимовну в постель. И тут я вспомнил, как упомянутый ранее мною В. Казначеев, говоря о непростой партийной карьере Михаила Сергеевича, помолчав, заметил, что Раиса имела боль-

шое влияние на Федора Давыдовича (Кулакова). Эту фразу можно понимать по-разному, но главное в том, что в январе 1963 года проштафившийся парторг Горбачев был назначен на ответственную должность в Ставропольский сельский крайком КПСС.

В октябре 1964 года в Москве сместили Хрущева. В этом активное участие принимал первый секретарь Ставропольского крайкома КПСС Кулаков. Для детальной проработки плана действий против Хрущева «кремлевские заговорщики» во главе с Брежневым и Шелепиным в начале осени 1964 года собирались в Тебердинском заповеднике Ставропольского края. Кремлевские гости полностью доверяли Кулакову, так как он числился среди жертв хрущевского произвола. Горбачев в этот процесс не был вовлечен. Однако, как заорг крайкома, он получил навыки того, как ведется «подковерная» борьба за «место под солнцем».

В ноябре 1964 года Кулакова за участие в смещении Хрущева перевели в Москву на должность заведующего Отделом сельского хозяйства ЦК КПСС. Через год Федор Давыдович – уже секретарь ЦК КПСС по сельскому хозяйству. Но он не забыл ставропольского «Санчо Пансу». По рекомендации Кулакова Горбачев в декабре 1964 года был назначен заведующим отделом партийных органов Ставропольского краевого комитета КПСС.

Замечу, что должность завогав КПСС всегда котирировалась на уровне секретаря, так как в своей повседневной ра-

боте, а это, прежде всего, работа с кадрами, заворг постоянно контактировал с первым секретарем и по праву считался его «правой рукой».

Во многом этому способствовало то обстоятельство, что, как отмечали люди, хорошо знавшие Михаила Сергеевича в ставропольские годы, *«он был тогда действительно приметной фигурой, выделялся на общем фоне партийных и комсомольских кадров демократизмом, общительностью, столичным образованием, склонностью к нестандартным действиям, величайшим усердием в работе, ловкостью в отношениях с начальством, умением быть душою дружеского застолья».*

Вместе с тем все отмечали в один голос легковесность Горбачева в конкретных делах («попрыгунчик какой-то»), его неспособность довести до конца ни одного серьезного начинания. Особенно резко проступила эта черта личности Горбачева, когда он достиг уровня первого секретаря крайкома партии, что предполагало его самостоятельную роль...» Эту характеристику Горбачева привел В. Легостаев в статье **«Генсек кровавый»**.

Четыре года работы заведующим отделом партийных органов крайкома сделали Горбачева настоящим партаппаратчиком, прежде всего, в овладении искусством кадровых перестановок и аппаратных интриг. Этот опыт он успешно применил в 1985–1991 годах. Помимо этого Горбачев виртуозно овладел искусством не ссориться с нужными людьми. Все

это обусловило его дальнейший быстрый карьерный рост.

В это же время, хорошо понимая, что в сельскохозяйственном крае невозможно продвинуться без соответствующего образования, он, опять-таки по совету Кулакова, поступил на заочное отделение Ставропольского сельскохозяйственного института и получил диплом ученого агронома-экономиста сельского хозяйства.

Уже упомянутый А. Коробейников в книге «Горбачев: другое лицо» отмечает: *«Университетский диплом не сделал Горбачева юристом, а диплом экономиста сельского хозяйства, как я мог убедиться, мало что прибавил к знаниям, полученным им в “сельскохозяйственной академии жизни”. Словом, его крестьянские корни стали “вещью для себя”, а юридические знания так и остались “вещью в себе”»*. Но тем не менее в 1966 году Горбачев был избран первым секретарем Ставропольского горкома КПСС.

В 1968 году освободилась должность второго секретаря Ставропольского крайкома КПСС. Тогдашний первый секретарь крайкома Леонид Николаевич Ефремов планировал назначить на эту должность заведующего орготделом крайкома партии Ивана Тихоновича Таранова. Но секретарь ЦК КПСС Кулаков настоятельно порекомендовал Ефремову остановиться на кандидатуре Горбачева. Ефремову было не с руки спорить могущественным предшественником, который числился в друзьях у генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Ильича Брежнева.

В результате Горбачев был избран вторым секретарем Ставропольского крайкома КПСС. Это было судьбоносное назначение. Благодаря ему Михаил Сергеевич вплотную приблизился к высшей партэлите. Впереди у него открывались новые горизонты, а поддержка Кулакова, к тому времени уже члена Политбюро ЦК КПСС, прибавляла ему уверенности.

Менее чем через 2 года, в начале 1970 года, в ЦК КПСС, с подачи того же Кулакова, решили, что второй секретарь созрел для самостоятельной работы, и Горбачев стал **первым секретарем Ставропольского крайкома КПСС**. Надо сказать, что к тому времени у Горбачева в Политбюро появился еще один покровитель – председатель КГБ СССР Юрий Владимирович Андропов.

Благоприятное впечатление Горбачеву удалось произвести и на другого члена Политбюро – Александра Николаевича Шелепина. Однажды Михаил Сергеевич **всю ночь** прогулял с ним по территории дачи в Архызе, слушая его рассказы о московской жизни. Это свидетельствует о том, что умел Горбачев заинтересовать московских гостей. И хотя все они имели огромный опыт общения с людьми, но тем не менее не сумели рассмотреть подлинную натуру Михаила Сергеевича.

Одни – в силу того, что сами, по сути, были «горбачевыми», другие – в силу человеческой веры в лучшее. Но не спешите осуждать последних. Вспомните предсмертный крик

римского Цезаря по поводу коварного предательства своего лучшего друга: «*И ты, Брут?!*» К сожалению, многим из нас приходилось пригревать змею на груди. По большому счету, жизнь каждого из нас – это во многом череда доверительных отношений, часто сменяющихся разочарованием или предательством.

При этом практические результаты деятельности Горбачева на посту хозяина Ставропольского края оставляли желать лучшего, так что в политических фаворитах у большинства членов Политбюро ЦК КПСС Горбачев не числился. Даже в период рассмотрения его кандидатуры на пост секретаря ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев называл Ставропольский край «овечьей империей», а Горбачева – «овцеводом». Это при том, что Михаил Сергеевич уже тогда пытался создать себе ореол ведущего практика и теоретика сельского хозяйства союзного масштаба.

Для этого Горбачев применял испытанный метод – саморекламу. Он, как и в комсомоле, принялся усиленно внедрять в крае почины и проводить эксперименты. Так, на Ставрополье родился прогремевший по стране ипатовский метод уборки урожая. Суть его в том, что в Ипатовский район в приказном порядке была переброшена уборочная техника из районов, где хлеба созревали позже. Уборка действительно завершилась в рекордные сроки. Правда, значительная часть собранного урожая из-за спешки (не досушили) оказалась потерянной. Но Михаил Сергеевич Москве отра-

портовал, как положено.

По итогам ипатовского эксперимента ЦК КПСС приняло специальное постановление **«Об опыте работы Ипатовской парторганизации на уборке урожая»**. Леонид Ильич Брежнев прислал поздравление хлеборобам района. Михаил Сергеевич воспринял это как личное достижение. Не важно, что через год от ипатовского метода пришлось отказаться, так как терялась значительная часть урожая и крайне нерационально использовалась сельскохозяйственная техника.

А. Коробейников одну из глав своей книги **«Горбачев: другое лицо»** назвал: **«Ни одного законченного дела»**. Вот несколько строк из этой главы: *«Прогрел ипатовский метод – и лопнул; “петушился” над созданием межхозяйственных предприятий – МХП (в народе быстро и по-своему “расшифровали” эту аббревиатуру: Михаил х... придумал) – и бросил; настроил сотни животноводческих комплексов – и забыл о них... И так практически во всем»*.

Наиболее ярко способность Горбачева создавать показушные результаты показало строительство ирригационной системы на Ставрополье. Под это дело было выделено 525 миллионов рублей, огромная по тем временам сумма. Стремление Горбачева поразить размахом мелиоративных работ и объемом осваиваемых средств вновь привело к наращиванию количественных показателей. Главное было для Горбачева – обеспечить километраж оросительно-обводни-

тельной системы и отапортовать Москве о новых достижениях. А то, что лишь один из десяти километров каналов, введенных в строй, имели надлежащую гидроизоляцию и облицовку, это не столь важно. В итоге после переезда Горбачева на Старую площадь в крае началось интенсивное засоление и подтапливание богарных земель.

В этой связи целесообразно привести отзыв Легостаева о роли Горбачева в развитии Ставрополя: *«Человеку разумному трудно, не впадая в смятение чувств, читать те страницы биографического сочинения Горбачева, на которых тот фантазирует на тему своей деятельности в ставропольский период... Ведь в каждом буквально абзаце хвастовство, самолюбование и обязательно ложечка гадости в адрес тех, с кем Горбачев тогда сталкивался по работе, либо в адрес советской власти».*

Разговорами, услугами и лестью...

Успехи Горбачева по руководству экономикой Ставропольского края были не впечатляющими. Их явно не хватало для выдвижения на партийный олимп. Видимо, по этой причине Михаил Сергеевич лишь один раз удостоился права выступить на Пленуме ЦК КПСС. Фактически он считался одним из многих региональных партийных лидеров в Союзе.

Однако у Горбачева перед большинством из них было огромное преимущество. Он был хозяином благодатного края, в котором были сосредоточены многочисленные правительственные лечебницы и дачи. А Кавказские Минеральные Воды и Кисловодск, находившиеся в полутора часах езды от Ставрополя, в те годы были своеобразной Меккой для членов Политбюро ЦК КПСС.

Партийные иерархи, приезжающие в край на оздоровление или лечение, были предметом особого внимания и заботы краевого комитета партии и его секретарей. Как уже говорилось, благодаря этому Горбачев уже к моменту назначения первым секретарем имел влиятельных покровителей. Помимо Ф. Кулакова это был член Политбюро ЦК КПСС, председатель КГБ СССР Ю. Андропов.

Вот как рассказывает бывший пресс-секретарь Горбачева Андрей Грачев о знакомстве Михаила Сергеевича с «земляком» Андроповым (утверждают, что Юрий Владимирович

родился на станции Нагутская Ставропольского края) в книге **«Горбачев. Человек, который хотел как лучше»:**

«Горбачев и Андропов познакомились в 1969 году, когда тогдашний первый секретарь Ставропольского крайкома Л. Ефремов отрядил своего “второго” съездить в Кисловодск с дежурной миссией – засвидетельствовать почтение отдыхавшему члену ПБ, рассказать для проформы о делах края и ответить на заданные для проформы же вопросы. К своему удивлению, Горбачев встретил человека, который, может быть, в силу естественной оторванности от проблем советской глубинки, начал дотошно о них расспрашивать. Их встречи постепенно стали регулярными и неформальными, хотя происходили только на ставропольской территории, и “никогда в Москве”» (М.: Вагриус, 2001).

В тот раз Андропов поселился в санатории «Дубовая роща». Впоследствии председатель КГБ СССР останавливался в санатории «Красные камни» в уединенном коттедже, ни с кем не общался, если не считать регулярно приезжающих к нему из Москвы сотрудников. Единственным из местных, для кого Андропов делал исключение, был Горбачев – его машину андроповская охрана пропускала беспрепятственно.

Как пишет Горбачев в воспоминаниях, в период пребывания Андропова на Ставрополье он старался взять отпуск и поселиться с семьей в санатории «Красные камни». Андроповы и Горбачевы выезжали в горы, жарили шашлыки, а по-

том долго сидели у костра и слушали песни бардов-шестьдесятников, которых любил Андропов.

В 1971 году, уже на правах партийного хозяина Ставропольского края, Горбачев познакомился с начальником 4-го управления при Минздраве СССР Евгением Ивановичем Чазовым, опекавшим здоровье кремлевских долгожителей и в силу этого имевшим доступ ко многим кремлевским тайнам. Следует также иметь в виду, что Чазов был человеком, весьма близким к шефу КГБ Ю. Андропову. Запомните фамилию «Чазов», она будет постоянно возникать в самых щекотливых кремлевских ситуациях.

Чазов и Горбачев быстро стали близкими друзьями не только на почве общего патрона Андропова, но и в связи с постоянной потребностью Горбачева в информации из Москвы. Каждый раз, когда Чазов появлялся на Ставрополье, Горбачев на два-три дня исчезал из поля зрения крайкомовских сотрудников. Он угощал нового друга шашлыками на природе. Взамен Евгений Иванович знакомил Горбачева с кремлевскими новостями, с состоянием здоровья членов Политбюро и, соответственно, с расстановкой сил на Старой площади (место нахождения аппарата ЦК КПСС).

Чазов убедил Горбачева заняться тем, чтобы высшее руководство страны чаще приезжало на лечение и отдых в Ставропольский, а не в соседний Краснодарский край. Став первым секретарем, Горбачев этому вопросу уделил особое внимание. В срочном порядке в Кисловодске на ме-

сте пионерского лагеря строительными силами 9-го управления КГБ была возведена шикарная госдача, отреставрирован по высшему классу правительственный санаторий «Красные камни», в котором любил отдыхать Ю. Андропов. Построили также новый дом отдыха в селе Отрадном, на заповедном озере Маныч.

Для семьи Горбачевых в живописнейшем месте в селе Бекешевка была построена загородная дача, с огромным охотничьим залом для приемов, бильярдом, финской сауной и русской баней. Туда было не стыдно привезти на шашлыки гостей самого высокого уровня. В Ставрополе перестроили гостиницу «Интурист», которая также могла принимать именитых гостей. Атмосферу южного шарма и колорита создавали кафе и рестораны, открытые грузинскими теневиками, бежавшими от Шеварднадзе, в тот период объявившего бескомпромиссную борьбу с коррупцией и теневой экономикой. Последнее заслуживает особого разговора, но это отдельная тема.

Не был забыт и Чазов. Его ведомственную дачу в Архызе отделали итальянскими и французскими строительными материалами, завезли туда импортную мебель и оборудование. Расчет между друзьями был обычным. Услуга за услугу.

Райские уголки для высокопоставленных лиц и московской знати благодаря Горбачеву в крае росли как грибы. В них устраивались вечеринки, дни рождения, праздники с неизменным вручением дорогих подарков. Все это назы-

валось гостеприимством по-ставропольски. Некоторые исследователи, перечисляя вышеизложенные факты, пытаются делать выводы о том, что именно в это время произошло «буржуазное перерождение» Горбачева. Эти утверждения не вполне верны. Михаил Сергеевич всегда был таким. Только каждая сторона его реальной сути открывалась соответственно времени.

В сталинский период он был бы «верным ленинцем-сталинцем», подтверждая свою «принципиальную» позицию умело подобранными цитатами из работ вождей и жесткой борьбой с «врагами народа». В хрущевский период ситуация в КПСС стала меняться, а во времена Брежнева от сталинских порядков почти ничего не осталось. Соответственно, менялся и Горбачев. **Мимикрия у него была потрясающая.** Такие люди были не только в Ставрополе.

Карьера по сценариям

Огромную роль в возвышении Горбачева сыграли сценарии встреч Горбачева с сильными мира сего, приезжавшими из Москвы. Их готовила Раиса Максимовна. Об этом мне поведал уже упомянутый В. Казначеев. Философский факультет МГУ отшлифовал природный ум и целеустремленность Раисы, которые позволяли ей вычленить главное в любой ситуации и определить точки воздействия на нее.

Особое внимание Раиса уделяла подготовке Михаила к застольям, которыми обычно заканчивались все визиты высоких гостей. Для этого продумывались темы для разговора, подбирались нужные цитаты классиков, которые Горбачев мог использовать как бы экспромтом. В итоге Михаил Сергеевич поражал гостей своей эрудированностью. На самом деле он был обычным цитатчиком и никогда глубоко не вникал в произведения классиков и мировых философов. Знакомство с новыми книгами у него сводилось в основном к чтению аннотаций и предисловий.

Однажды в узкой компании Михаил Сергеевич заметил по этому поводу следующее: *«Прочитаешь иную справку – это же целый роман!»* Но предельно откровенно на эту тему Горбачев выразился в марте 1991 года во время кремлевского фуршета, посвященного его 60-летию. На вопросы о том, знаком ли Михаил Сергеевич с той или иной актуальной ста-

тзей и книгой, он отвечал, что у него мало времени, поэтому этими вопросами занимается Раиса Максимовна, которая вечером ему вкратце пересказывает и резюмирует важнейшие печатные материалы. Жаль, что в этот момент с Михаилом Сергеевичем ее не было рядом. Она бы, как «регент» генсека, пресекла попытки мужа банально демонстрировать свою ограниченность.

Шедевром в списке проведения четой Горбачевых встреч с важными и нужными людьми следует считать организацию пребывания в Ставрополе второго человека в Политбюро, главного идеолога партии Михаила Андреевича Суслова. Тот в 1933–1944 годах работал первым секретарем Орджоникидзевского (Ставропольского) крайкома и горкома КПСС. Суслов прибыл в Ставрополь в мае 1978 года для вручения городу ордена Октябрьской Революции за достижения в хозяйственном и культурном строительстве и в связи с 200-летием со дня его основания.

Несомненно, что организация встречи Суслова в Ставрополе не обошлась без подсказок всезнающего шефа КГБ. Психологическое давление на высокого гостя началось уже в аэропорту и на улицах, куда вышло почти все население города. Здравницы в честь Политбюро ЦК КПСС и лично высокого гостя на торжественном заседании были нескончаемы. В завершении этого хорошо продуманного и блестяще разыгранного спектакля Суслову показали специально смонтированный кинофильм, в котором тот был показан, как та-

лантливый организатор партизанского движения на Ставрополе. Принципиальный и всегда официально сухой Михаил Андреевич растрогался до слез.

В программе пребывания Суслова в Ставрополе было также предусмотрено посещение музея его жизни и деятельности. Как пишет сын Андрея Андреевича Громыко в своих воспоминаниях: *«Старец дал слабину, растрогался и отплатил Горбачеву добром»* (Громыко А.А. Андрей Громыко в лабиринтах Кремля. Воспоминания и размышления сына. М.: Автор, 1997).

Суслов был известен в партии как пуританин, лишенный человеческих слабостей. Он даже валюту, оставшуюся от заграничных командировок, сдавал в партийную кассу. Но в Ставрополе он действительно «дал слабину». Его дочери Майе Михайловне по случаю дня рождения были преподнесены дорогие сувениры, а в самолет положили подводное ружье и дефицитную в те годы кожаную куртку для внука. Все это было с благодарностью принято. Умел Михаил Сергеевич принимать и ублажать московских гостей.

Говоря о периоде работы первым секретарем Ставропольского крайкома, Горбачев в своих мемуарах «Жизнь и реформы» преподносит себя как признанного на уровне Союза авторитета в области сельского хозяйства, с которым как с равным общались члены Политбюро. Однако статус и авторитет в КПСС определялся весьма просто – частотой появления партийного лидера на общесоюзных трибунах.

Так вот, за восемь с половиной лет работы в качестве первого секретаря края Горбачев на Пленуме ЦК выступил только один раз, в июле 1978 года, то есть накануне своего перевода в Москву. Несмотря на то, что Пленум рассматривал профильный для Горбачева сельскохозяйственный вопрос, слово ему предоставили лишь после малоизвестного секретаря Амурского обкома КПСС.

На сессии Верховного Совета СССР Горбачев также выступил лишь один раз. Это был отчет о работе руководимой им малозначимой Комиссии по делам молодежи Совета Союза. Это более чем очевидное свидетельство того, что утверждения Михаила Сергеевича о том, что он уже в ставропольский период был известен как ведущий *«идеолог и практик сельскохозяйственной политики союзного масштаба»*, являются вымыслом.

Не вызывает сомнений, что не заслуги Горбачева на аграрной ниве и не его так называемые организаторские таланты стали главной причиной перевода его в верхний эшелон власти – Секретариат ЦК КПСС. Решающее влияние на судьбу Горбачева оказали встречи с кремлевскими «небожителями».

Эти встречи оказали решающее значение на судьбу М. Горбачева. В период брежневского руководства в кадровой политике широкое распространение получили принципы землячества и личного знакомства с выдвигаемыми кадрами. Общение Горбачева с сильными мира сего трансфор-

мировалось в конечном счете в «ковер-самолет», который перенес его в заветную Москву.

Вполне естественно, что, встречаясь с москвичами, Горбачев регулярно получал от них выгодные предложения о переходе на работу в Москву. По словам самого Горбачева, в начале 1970-х годов секретарь ЦК КПСС Петр Нилович Демичев (до декабря 1974 года курировал в ЦК КПСС вопросы идеологии, науки и культуры) предлагал ему возглавить Отдел пропаганды ЦК КПСС. Однако после совета с Ю. Андроповым и Ф. Кулаковым Горбачев отказался.

Председатель Госплана Николай Константинович Байбаков предлагал Михаилу Сергеевичу пост своего зама по вопросам сельского хозяйства. Рассматривалась кандидатура Горбачева и на пост генерального прокурора СССР (*Зенкевич Н.* Тайны уходящего века. Власть. Распри. Подоплека. М.: Олма-Пресс, 2004). Но Горбачев от всех предложений отказывался, как будто предвидя свое будущее.

Предлагался Михаилу Сергеевичу пост заместителя председателя Госплана СССР по вопросам сельского хозяйства. Но Горбачев от всех предложений отказывался, как будто предвидя свое будущее.

В. Казначеев в книге «На перекрестках судьбы» сообщил любопытный факт. После предложения Горбачеву поста генпрокурора СССР Иван Васильевич Рудченко, двоюродный брат Горбачева, заявил Казначееву: «А зачем ему этот прокурорский пост?» Затем добавил: «Он будет генеральным

секретарем ЦК КПСС, *это я тебе говорю, а раз говорю, то это я знаю*». О подобных перспективах Горбачева мог намекать только Андропов, возлагавший на него особые надежды. Но об этом ниже.

Добрая фея «Андропов»

Андропов, познакомившись на отдыхе с Горбачевым, сразу взял его на заметку. Его привлек артистизм, с которым Михаил Сергеевич выдавал желаемое за действительное и входил в доверие к людям, а также и беспринципность, позволявшая Горбачеву легко менять позицию в зависимости от обстоятельств.

Легостаев в «Генсеке кровавом» так писал по этому поводу: *«Будучи опытным контрразведчиком, обладая глубокими навыками в оценке человеческих характеров, Юрий Владимирович, вне всяких сомнений, отметил также для себя примечательные черты личности Горбачева: патологически честолюбив; умственно неглубок; хвастлив; самонадеян; отъявленный лицемер; лжет, не краснея; владеет навыками политической демагогии; хорош в компании, на шашлыках; умеет расположить к себе, вызвать на откровенность; легко, без раскаяний, предает и продает, если ему это выгодно; не имеет стойких политических убеждений».*

Легостаев считал, что вышеперечисленное плюс слухи о «левых» доходах Михаила Сергеевича давали Андропову «шанс контролировать поведение бойкого ставропольца в сложных ситуациях». Возможно, это и так. Но одно очевидно. Андропов имел на Горбачева особые виды. Лучше, чем кто-либо другой в Политбюро, шеф КГБ был информирован

о назревающей в СССР кризисной ситуации. Юрий Владимирович также знал, что состояние Брежнева после перенесенных им в январе 1976 года инсульта и клинической смерти оставляло желать лучшего.

Понимал Андропов и то, что старцы из Политбюро будут «уходить» только на орудийных лафетах и что они костыми лягут, но не допустят, чтобы он стал генеральным секретарем ЦК КПСС. В этой связи председателю КГБ предстояло вести непростую тайную войну за пост генсека.

В этой войне ему был необходим верный помощник. Но не просто помощник, а человек, способный легко входить в доверие к людям, при необходимости создать группу поддержки в защиту патрона, внести раскол в стан оппонентов, быть его глазами и ушами и в то же время производить впечатление самостоятельно мыслящего политика. Горбачев на фоне других региональных партийных лидеров представлялся Андропову именно такой фигурой.

В связке с другим верным помощником Андропова Чазовым, Горбачев должен был стать мощным инструментом влияния на политическую ситуацию в Политбюро ЦК КПСС. Поэтому Юрий Владимирович сделал ставку на «ставропольца». Ему нужна была **«надежная и управляемая» подпорка в Политбюро ЦК**. Видимо, другие кандидаты не прошли его кадровое сито. В итоге Андропов стал для Горбачева второй «доброй феей». Первой, как говорилось, был Кулаков, который запустил на высокую партийную

орбиту Михаила Сергеевича.

Сегодня можно утверждать, что уверенность Андропова в том, что лишь он способен направить СССР по верному пути, а поэтому он должен возглавить партию и государство, явилась **той пружиной, что выбросила Михаила Сергеевича на самый верх властной пирамиды СССР.**

В 1978 году Андропов начал завершение операции, которую можно назвать **«Горбачева в ЦК КПСС!»**. По воспоминаниям главного кремлевского медика Е. Чазова, уже в начале лета того года Андропов сказал ему о Горбачеве следующее: *«Вы не ошибаетесь в нем. С ним можно дружить»*. И добавил: *«Конечно, было бы хорошо, если бы он был в Москве. Но на сегодня я не знаю, как это сделать»*.

Но в июле 1978 года, буквально через месяц после разговора Андропова с Чазовым, в Москве образовалась необходимая вакансия под Горбачева. Как говорилось, по официальной версии *«заснул и не проснулся»* «крестный отец» Михаила Сергеевича, секретарь ЦК КПСС Федор Давыдович Кулаков.

Одно время он считался ближайшим соратником Брежнева и одним из наиболее реальных претендентов на его место. В 1978 году зарубежная пресса особенно активно прочила Кулакову блестящее будущее. Некоторые исследователи полагают, что это и стало одной из причин безвременной кончины Кулакова. Другие склоняются к мысли, что необходимо было освободить место для Горбачева.

По поводу перевода Горбачева на место, освободившееся после смерти Кулакова, на генсека Брежнева «давил» не только Андропов. Последний сумел убедить в необходимости перевода Горбачева в ЦК КПСС одного из патриархов Политбюро, министра обороны Дмитрия Федоровича Устинова. Впоследствии Горбачев заявлял, что с Д. Устиновым его связывали не просто близкие, а *«душевные отношения»*. В решающем для Горбачева 1978 году мнение Устинова стало весьма весомым.

Но главным все же стало «участие» в судьбе Горбачева Юрия Владимировича. Именно он 19 сентября 1978 года устроил на вокзале Минеральных Вод встречу Горбачева с Леонидом Ильичом Брежневым. И хотя разговора у Михаила Сергеевича с дряхлеющим генсеком не получилось, Леонид Ильич практически не слушал «ставропольца», «добро» на его перевод в ЦК КПСС было получено.

Кстати, Александр Ильич Агранович, известный советский публицист, в 1970-х годах занимавшийся в **«Литературной газете»** анализом социально-экономических экспериментов в СССР, так прокомментировал приход Горбачева: *«Мы недавно сделали анализ эффективности вложений в сельское хозяйство; в Ставропольском крае она самая низкая!»* Поэтому от перестройки Горбачева ничего хорошего нельзя было ожидать.

Удивительное везение Михаила Сергеевича

Жизненный путь Горбачева – это вереница невероятного везения, интриг и лжи. Создается впечатление, что кто-то там «наверху» своевременно убирал все препятствия с пути Михаила Сергеевича, пока «шапка Мономаха», обойдя все положенные головы, не опустилась на его пятнистое темя. В этой связи расскажу, как Михаил Сергеевич избежал опасности быть выброшенным из обоймы претендентов на работу в ЦК КПСС.

Известно, что на пост секретаря ЦК КПСС по сельскохозяйственным вопросам одновременно с Горбачевым рассматривалась кандидатура первого секретаря Полтавского обкома Компартии Украины Федора Трофимовича Моргуна. В ноябре 1978 года оба были вызваны в Москву для встречи с генсеком Брежневым.

В Москве вновь случается нечто аналогичное злополучному 1962 году, когда проштрафившегося парторга крайкома КПСС Горбачева, едва не выгнав с работы, повысили в должности. В 1978 году накануне встречи с Брежневым Михаил Сергеевич внезапно исчез из московской гостиницы, хотя знал, что в любой момент может поступить приглашение явиться на беседу к генсеку.

К этому времени Андропов и Суслов, или «Юра» и «Ми-

ша», как их любовно называл Брежнев, а также примкнувший к ним Устинов, сумели убедить генсека, что в ЦК должен быть взят именно Горбачев. Поэтому Леонид Ильич потребовал первым на беседу пригласить ставропольца. Но того... в гостинице не оказалось.

Потом выяснилось, что Горбачев был на юбилее у земляка и друга по комсомолу. Михаил Сергеевич об этом пишет в **«Жизни и реформах»**: *«...собрались несколько человек, в основном ставропольцы. Как у нас такие даты отмечаются, известно. По-русски – широко, с обильным угощением, дружеским разговором, с шуткой и песней... с традиционными тостами»*.

В конце концов порученцы из ЦК КПСС Горбачева нашли. После длительного застолья Михаил Сергеевич хоть и выглядел удовлетворительно, но вести его к Брежневу заведующий Общим отделом ЦК Константин Черненко не решился. Учитывая, что кандидатуру согласовали с генсеком ранее упомянутые «зубры», Константин Устинович ограничился предупреждением, что завтра на Пленуме Брежнев предложит его, Горбачева, для избрания секретарем ЦК.

Каждый партийный и советский работник, хоть раз проходивший процедуру смотрин у «самого» (не только в ЦК КПСС, но и у первого секретаря союзной республики), знает, насколько ситуация в этот момент бывает изменчива. За подобное отношение к встрече с высшим руководством любого на месте Горбачева отправили бы восвояси, если не

хуже. Но с Михаила Сергеевича все как с гуся вода.

В результате 27 ноября 1978 года Пленум ЦК КПСС по предложению генсека Брежнева единогласно избрал Горбачева секретарем ЦК, курирующим аграрные вопросы. Его ждал кабинет на Старой площади. Вновь невероятное везение. Какие уж тут «забугорные» покровители! Оказалось, что это были самые ревностные защитники социализма – Андропов, Суслов и Устинов. Хочешь не хочешь, а получается, что самой судьбой Союзу ССР было предназначено пройти через «горбачевщину».

В завершение темы невероятного везения «ставропольского везунчика» следует рассказать, как он стал членом Политбюро ЦК КПСС. Известно, что в ЦК КПСС не каждый секретарь ЦК был членом ПБ или кандидатом в члены ПБ. Например, Зимянин Михаил Васильевич являлся секретарем ЦК КПСС с 1976 года по 1987 год. Но так и не стал ни членом ПБ, ни кандидатом в члены ПБ. Другой многолетний (1965–1986) секретарь ЦК КПСС Капитонов Иван Васильевич тоже не удостоился ни члена ПБ, ни кандидата в члены ПБ. Аналогичная судьба сложилась у Русакова Константина Викторовича, бывшего помощника генсека Брежнева (1972–1977), то есть лично известного генсеку, который, став секретарем ЦК КПСС в 1977 году и проработав в этой должности до 1986 года, так и не стал ни членом ПБ, ни кандидатом в члены ПБ.

Зато Горбачев, ставший секретарем ЦК КПСС в ноябре

1978 года, уже с ноября 1979 года был избран кандидатом в члены ПБ. Но самое удивительное, что еще через 11 месяцев, в октябре 1980 года, Михаил Сергеевич стал членом ПБ! Это произошло благодаря невероятному стечению обстоятельств. Дело было так. В 1980 году лидер северокорейских коммунистов Ким Ир Сен отказался принять делегацию КПСС на съезде Трудовой партии Кореи во главе с кандидатом в члены Политбюро М. Горбачевым. Он считал, что делегацию должен возглавлять как минимум член Политбюро.

Пришлось делегацию в Северную Корею возглавить члену Политбюро, первому секретарю Московского горкома партии Виктору Васильевичу Гришину. После прилета из Кореи Гришин, проведший в самолете более суток, предложил перевести Михаила Сергеевича в члены Политбюро. Мол, молодой, хорошо переносит самолет, пусть и летает. Не исключено, что кто-то, опекавший Горбачева, подсказал Гришину эту идею. На первом же Пленуме ЦК КПСС в октябре 1980 года этот вопрос и решили. Вот так кремлевские старцы своими руками подготовили своего могильщика.

Вот так Горбачев попал на партийный олимп, но пока лишь в окружение «трона» генсека. Решающую роль в этом сыграли, конечно, усилия тройки: Андропов, Суслов и Устинов. Однако без первоначального «толчка» Федора Давыдовича Кулакова, обеспечившего Горбачеву первоначальную партийную карьеру, шансов у того добраться до партийно-

го олимпа не было. Даже своей внезапной и своевременной смертью Кулаков поспособствовал выдвижению ставропольского везунчика.

Византийские интриги в Кремле

Говоря о значении смерти Кулакова при выдвижении Горбачева на партийный олимп, нельзя не рассказать о мрачной стороне других кремлевских интриг, которые облегчили приход Горбачева к власти. Речь пойдет о череде странных смертей престарелых членов Политбюро, которые как бы соревновались в создании ситуации, чтобы молодой партийный лидер взошел на партийный трон и мог беспрепятственно начать свои губительные эксперименты.

Вновь приходится возвращаться к Андропову. Председатель КГБ понимал, что абсолютное большинство членов Политбюро того времени ни по качественному, ни по профессиональному уровню не были способны своевременно и качественно решать назревающие в стране проблемы. Но он также хорошо понимал, что кремлевских старцев, мертвой хваткой вцепившихся в кресло члена Политбюро, можно убрать разве что «революцией наверху», что было просто нереально. Более того, для Андропова она была бы бесполезна, так как в то время он **не входил** в число претендентов на высший партийный пост.

Однако, считая себя наиболее подготовленным для придания нового ускорения развитию Советского Союза, Андропов начал реализовывать свой план прихода к власти. Он состоял в том, чтобы, с одной стороны, обеспечить нахождение

ние Брежнева на посту генерального секретаря до того времени, пока у Андропова не появятся реальные шансы самому стать генсеком, а с другой – обеспечить дискредитацию или устранение других претендентов на этот пост.

Наиболее тесные отношения Андропов в то время наладил с секретарем по оборонным вопросам и членом Политбюро ЦК КПСС Дмитрием Федоровичем Устиновым. Полное взаимопонимание Андропова и Устинова установилось в период подготовки к XXV съезду КПСС (проходившего с 24 февраля по 5 марта 1976 года).

На этом съезде Брежнев планировал, в связи с ухудшением здоровья, передать бразды правления первому секретарю Ленинградского обкома КПСС Григорию Васильевичу Романову. Тот имел в партии репутацию предельно честного, абсолютно не коррумпированного человека, жесткого, умного технократа, склонного к социальным новациям и экспериментам.

Андропову и Устинову был крайне нежелателен приход молодого генсека (Романов был младше Андропова на 9 лет, Устинова на 15 лет, Брежнева на 17 лет). Для Андропова это означало отказ от своих планов, для Устинова – потерю привилегированного положения в Политбюро. Он имел неограниченное влияние на Брежнева, благодаря чему вопросы повышения обороноспособности страны и, соответственно, сам Устинов, всегда были на первом плане. Не случайно он считался главой так называемого «узкого круга»

Политбюро, предварительно решавшего все важнейшие вопросы.

Помимо этого Андропов и Устинов также понимали, что Романов отправит их на пенсию. Поэтому они, при поддержке Суслова, Громыко и Черненко, сумели убедить Брежнева в необходимости остаться на посту генерального секретаря ЦК КПСС. Эту процедуру убеждения генсека Андропову и Устинову пришлось в течение последующих 6 лет проделывать неоднократно, постоянно упрочняя свое положение в Политбюро.

В 1976 году серьезным деструктивным фактором для Андропова и Устинова оказался министр обороны СССР Андрей Антонович Гречко. Тот просто подавлял Брежнева, во время войны служившего под его началом. Гречко был способен заблокировать принятие Брежневым любого решения. Это и немудрено. Статный красавец маршал, почти двухметрового роста, по призванию был военачальником. На заседаниях Политбюро дело доходило до прямых выпадов Гречко в адрес генсека, которые тот терпеливо сносил (*Зенкович Н.А. Самые закрытые люди. М.: Олма-Пресс; Звездный мир, 2002*).

Прямых проблем с КГБ у Гречко не было. Но он не скрывал своего негативного отношения к разрастанию бюрократических структур Комитета и усилению его влияния. Это породило известную напряженность в отношениях Гречко с Андроповым, который пытался сделать КГБ максимально

самостоятельным.

Ситуацию в Политбюро обостряло то, что секретарь ЦК КПСС Устинов по оборонным вопросам, еще в июне 1941 года ставший наркомом вооружений РККА, считал себя человеком, сделавшим больше, чем кто-либо другой, для укрепления обороноспособности страны. Поэтому он с трудом делил сферу своего влияния с министром обороны Гречко.

И вот вечером 26 апреля 1976 года маршал приехал после работы на дачу, лег спать и утром не проснулся. Современники отмечали, что Гречко, несмотря на свои 72 года, во многих вопросах мог дать фору молодым. Но вот не проснулся.

Считать, что к смерти Гречко причастно ведомство Андропова, было бы проблематично, если бы не одно обстоятельство. Крайне странным является то, что после смерти маршала подобным образом умерли еще несколько членов Политбюро. В июле 1978 года, также во сне, по официальной версии, умер физически крепкий 62-летний секретарь ЦК КПСС Ф. Кулаков, в январе 1982 года **в мир иной во сне** отправился, практически ничем не болевший, второй человек в партии М. Суслов, в ноябре 1982 года **аналогичным образом умер** сам генеральный секретарь ЦК КПСС Л. Брежнев. Подробнее об этом ниже.

То, что эти старики могли и должны были рано или поздно умереть, факт. Станным является то, что все они уми-

рали как-то **очень вовремя**. В 1978 году, как уже говорилось, Андропов жаловался Чазову, что не знает, как перевести Горбачева в Москву. А через месяц «чудесным» образом возникла вакансия, освободилось место Кулакова, секретаря ЦК КПСС по сельхозвопросам, как раз под Горбачева.

Летом 1978 года Кулаков, так же как и Гречко, приехал на дачу, посидел с гостями, отправился спать и не проснулся. Люди, близко знавшие его, утверждали, что Кулаков был здоров как бык, не знал, что такое головная боль или простуда, был неисправимым оптимистом. Странными являются обстоятельства смерти Кулакова. Накануне вечером дачу Кулакова под разными предлогами покинули охрана и личный врач, прикрепленные к каждому члену Политбюро?! Это наводит на определенные размышления. Ведь не секрет, что кремлевские врачи курировались КГБ, а охрана была оттуда.

Ранее упомянутый В. Казначеев, хорошо знавший семью Кулаковых в 2009 году озвучил по ТВ любопытный факт. 17 июня 1978 года в полдевятого утра ему, тогда второму секретарю Ставропольского крайкома КПСС, позвонил первый секретарь Горбачев и без единой ноты сожаления сообщил, что Кулаков умер. Получается, что Горбачев узнал эту новость практически одновременно с высшим руководством страны. Странная осведомленность для партийного руководителя одного из заштатных регионов страны (ТВ «Россия». Курортный роман с властью. 14.09.2009).

Смерть Кулакова породила немало слухов. На дачу, где

умер Федор Давыдович, приезжал сам председатель КГБ Андропов. Смерть констатировал лично Чазов. Детальный, но одновременно **путаный** отчет специальной медицинской комиссии во главе с ним вызвал большие подозрения у специалистов. Станным было и то, что ни Брежнев, ни Косыгин, ни Суслов, ни Черненко не явились на Красную площадь на похороны Кулакова. На похоронах ограничились выступлением с трибуны Мавзолея первого секретаря Ставропольского крайкома партии М. Горбачева.

Официально ТАСС сообщил, что в ночь с 16 на 17 июня 1978 года Ф.Д. Кулаков *«скончался от острой сердечной недостаточности с внезапной остановкой сердца»*. Одновременно КГБ распространил слухи, что секретарь ЦК КПСС Ф. Кулаков после неудачной попытки захватить власть на античный манер перерезал себе вены. По утверждению В. Болдина, *«Горбачев рассказывал своим близким, что Кулаков застрелился»*. (Зенькович Н. ЦК закрыт, все ушли... Очень личная книга. М.: Олма-пресс, 1999). Следует добавить, что хотя зарубежная пресса в 1978 году писала о Кулакове, как одном из самых реальных преемников Брежнева, уже летом того же года он был уже не у дел.

Завесу таинственной смерти Кулакова приоткрыл бывший председатель Верховного Совета СССР Анатолий Иванович Лукьянов. Он с 1985 по 1987 год был заведующим Общим отделом ЦК КПСС, в ведении которого был секретный архив Политбюро. 13 марта 2012 года, выступая на семина-

ре преподавателей истории в Российском государственном торгово-экономическом университете, Анатолий Иванович сообщил, что в архиве он обнаружил информацию о том, что Кулакова обнаружили в постели с простреленной головой (http://izyumov.ru/Vospominaniy_LG/Paralleli_jizn.htm).

Причиной такой смерти, по мнению Лукьянова, видимо, явился разговор Кулакова и Машерова на отдыхе с первым секретарем ЦК Компартии Грузии Эдуардом Шеварднадзе. В ходе разговора Кулаков и Машеров негативно высказались по поводу слабости Брежнева. Шеварднадзе донес об этом Леониду Ильичу. По этой причине или по другой, но в итоге Кулаков «не проснулся» в июне 1976 года, а первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии Петр Миронович Машеров был фактически отлучен от ЦК. Его, кандидата в члены Политбюро, стали нередко забывать приглашать на заседания Политбюро, а затем в октябре 1980 года он погиб в крайне странной автокатастрофе, полные обстоятельства которой так и удалось установить.

Не верить А. Лукьянову нет оснований, хотя бывает, что врут и документы из секретных архивов. Но в нашем случае достоверность истории, рассказанной Лукьяновым, подтверждает один факт. На похороны Машерова Брежнев запретил приезжать руководителям компартий союзных республик. Это было просто вопиюще несправедливое решение. Оно подтверждало серьезную личную обиду Брежнева на Машерова. Этот запрет рискнул нарушить только первый

секретарь ЦК Компартии Литвы Пятрас Пятрович Гришкявичюс.

В Литве искренне любили Машерова. Мне запомнилось торжественное заседание в 1980 году, посвященное 40-летию восстановления советской власти в Литве. Оно проходило в вильнюсском Дворце спорта, вмещающим более пяти тысяч человек. Когда объявили о том, что выступать будет Петр Миронович, весь зал встал и, как будто чувствуя, что видит Машерова в последний раз, долго аплодировал, не давая ему начать выступление.

В этой связи несколько слов об этом замечательном человеке. Если бы он возглавил Союз, а он был достоин этого, то сегодня все было бы иначе. Машерова, помимо деловых качеств, отличал высокий научно-интеллектуальный уровень. Его доклад на Пленуме ЦК Компартии Белоруссии в 1978 году, в котором он обосновал необходимость развития социалистической инициативы и предприимчивости, был, в отличие от вымученных окружением Брежнева понятий «развитой социализм» и «советский народ», действительно новым словом в области социалистического строительства. Жаль, что об этом незаслуженно забыли.

Но вернусь к кремлевским старцам. К осени 1981 года состояние здоровья Брежнева ухудшилось. Чазов об этом информировал Андропова, который понял, что основной претендент на пост генсека должен быть на Старой площади. Вновь возникла традиционная проблема вакансии. И тут

вновь крайне своевременно умер второй человек в КПСС М. Суслов.

Но перейду к делу. В. Легостаев так рассказывал об обстоятельствах смерти Суслова: *«Суслов и на восьмом десятке жаловался по медицинской части разве что на боли в суставах руки. Умер он в январе 1982-го оригинально. В том смысле оригинально, что перед смертью успешно прошел в ведомстве Чазова плановую диспансеризацию: кровь из вены, кровь из пальца, ЭКГ, велосипед... И все это, заметьте, на лучшем в СССР оборудовании, под наблюдением лучших кремлевских врачей. Итог обычный: проблем особых нет, можно на работу. Он позвонил домой дочери, предложил вместе отужинать в больнице, чтобы с утра сразу ехать на службу. За ужином медсестра принесла какие-то таблетки. Выпил. Ночью инсульт.*

Примечательно, что Чазов отрапортовал о событии, не дожидаясь, пока Суслов испустит последний вздох. Об этом поведал в своих мемуарах Александров-Агентов, долго работавший у Брежнева помощником по международным вопросам. Он пишет: *“В начале 1982 года Леонид Ильич отвел меня в дальний угол своей приемной в ЦК и, понизив голос, сказал: “Мне звонил Чазов. Суслов скоро умрет. Я думаю на его место перевести в ЦК Андропова. Ведь, правда же, Юрка сильнее Черненко – эрудированный, творчески мыслящий человек”»* (Легостаев В. Генсек кровавый). Станным провидцем иной раз бывал главный кремлевский медик Евгений

Иванович Чазов.

Несколько иначе описывает смерть Михаила Андреевича Суслова его зять Леонид Николаевич Сумароков, член-корреспондент РАН. В статье **«Феномен М.А. Суслова. К 30-летию со дня смерти»** он пишет: *«Вечером 21-го января, в последний день пребывания в лечебном комплексе “Кунцево”, Суслов вместе с дочерью смотрел телевизионную передачу. Скажу так, что имею собственное убеждение по поводу того, что произошло тогда, и соглашусь с полными грустной, не знаю, искренней ли иронии, словами члена Политбюро А. Яковлева, что смерть Суслова произошла как-то “очень вовремя”. Приняв “внештатную” таблетку, подсунутую доктором-сотрудником Главного кремлевского врача Чазова и одновременно, по существовавшему тогда положению, сотрудником КГБ, через час после этого он потерял сознание, в себя уже больше не пришел и вскоре умер.*

...В день смерти М.А. (Михаил Андреевич) вся охрана (трое сотрудников КГБ) была неожиданно сменила... Опытного врача-реаниматора, всегда сопровождавшего М.А. в командировках, которого поначалу вызвали, и он попытался срочно приехать в Кунцевскую больницу на специальной машине с сигналами, вдруг почему-то на территорию не допустили. Замена приехала лишь через час.

...В частности, ни один из трех прикрепленных, постоянных охранников, которые, чередуясь, посменно работали у Суслова, в день приема таблетки на работе (то есть в

специальной дежурной комнате рядом с лечебной палатой) не находился. Вместо них работали совершенно новые люди – «подменщики», разумеется из аппарата КГБ. Даже меня, как уже отмечалось, не помню уж по каким таким служебным делам за два дня до этого направили в Прагу.

Прибывшую к воротам реанимационную машину из 4-го медицинского управления с опытным врачом-реаниматором, который был прикреплен к Суслову (прекрасный, опытный врач, звали его Василий Семенович, фамилию я забыл), на территорию больничного комплекса (несмотря на телефонный вызов, спецсигнализацию и имеющиеся пропуска) по не поддающейся объяснению причине не пропустили.

После обращения к Чазову тот уверил, что вскоре придет другая машина и с другим персоналом. Наконец она пришла, но, похоже, приехавшим даже не сообщили, к кому и ради чего их вызвали. Еще какое-то время реаниматоры металась по территории комплекса, зайдя даже к находившемуся на соседнем этаже Устинову, прежде чем попали к Суслову.

...Что касается врача Льва Кумачева, давшего таблетку, то он при неясных обстоятельствах, будучи в возрасте около 40 лет, вскоре был найден мертвым (якобы повесился. – В.Ш.)». Ну как? И это в кремлевской клинике!

В результате Юрий Владимирович Андропов в мае 1982 года вновь стал секретарем ЦК, но теперь уже вторым человеком в КПСС, заняв, соответственно, кабинет Сусло-

ва. Ему оставалось всего 5,5 месяца до поста генерального секретаря ЦК КПСС. Между тем существует мнение, что переход Андропова в ЦК был осуществлен по инициативе Брежнева, которого стала пугать бесконтрольность и всевластие шефа секретной службы. При этом ссылаются, что по настоянию Брежнева вместо Андропова председателем КГБ СССР был назначен В. Федорчук, председатель КГБ Украины, близкий друг В. Щербицкого, неприязненно относившегося к Андропову.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.